

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мэри Роуз Блэк

Суть

Мэри Роуз Блэк
Суть
Серия «Очертания», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51266735

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07548-1

Аннотация

Можно ли изменить себя? И стоит ли? Почему мы все хотим выхолостить собственную сущность с таким остервенением? Что в итоге останется? Будешь ли ты целым? Зачем убивать собственную суть?.. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Они	5
Глава 1. Дженни	6
Глава 2. Кэт	15
Глава 3. Эйли	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Я не думаю, что люди понимают, как тяжело объяснить происходящее в твоей голове, когда даже ты сам этого не понимаешь.

Часть 1. Они

Без тьмы не бывает света.

Глава 1. Дженни

Дженни смотрит в потолок своей комнаты. Серый цвет всегда казался ей благородным, хотя многие считают его унылым, безжизненным. Но серый – сын противоположных белого и чёрного, надежда на мир между противниками, противоречие.

Резкая тупая боль пронзает грудную клетку, и она перестаёт дышать, скорчившись в приступе. На её лице появляется непонятная улыбка: эта боль означает, что телу не хватает энергии. А Дженни этому только рада.

Через десяток секунд боль отступает, и Дженни медленно поднимается, садится на краю постели. Руки трясутся, правую ногу пронзает судорога, в глазах темнеет. Лишь в этой обстановке, за закрытой дверью комнаты, в одиночестве и тишине Дженни снимает маску сильного человека, у которого всё хорошо, и можно увидеть то, как ей тяжело даётся её собственный выбор. Она понимает, к чему в итоге придёт, но не страшится... а втайне, время от времени, желает этого. Она понимает, что её «увлечение» давно уже переросло в опасную игру, но игру азартную, каждый день которой вброс адреналина в кровь осуществляет.

На часах всего шесть с половиной утра. Уже рассвело. Но майский день совсем непогожий, так что придётся брать с собою зонт. Дженни хихикает: детская мечта улететь в ветра

потоке на зонтике уже не кажется такой нереальной.

Девушка пересекает комнату, глубоко вдыхая прежде, чтобы избавиться от приятного головокружения. Человек, из зеркала на неё смотрящий, такой прекрасный и такой далёкий, в следующую же секунду, протерев глаза, он становится таким отвратным и обрюзгшим, что зеркало рукой разбить хочется.

Душ ледяной обжигает тело, мёртвые холодные руки его красят вены в тёмный цвет. Дженни сидит в ванной, но не дрожит. Бледная кожа радостно принимает холодный шёлк.

Пора спускаться вниз. Неслышные шаги мотылька такие тяжёлые. В нос снова ударяет запах, раньше доставляющий мучения, теперь же это всего лишь пустышка, никак не привлекающая внимания. Слышен весёлый смех, мужской и женский голос. Что-то скворчит на сковородке.

– Ты не говорил, что свекровь приедет сегодня, – голос матери полон недовольства, хотя до этого она смеялась. Дженни никогда не понимала, как можно резко так меняться в настроении.

– Чего же в этом такого? Она ничего не требует от тебя, в плане шведского стола, я имею в виду, – молодежавый голос любовника, ставшего мужем недавно её матери «за 40» ласкает уши, мёдом проникает в грудь. Дженни любит в нём лишь голос, сам ей он противен до остервенения. Ей далеко до сестры.

– Да что ты? Какой шутник! В прошлый раз она была так

недовольна, что мы с тобой практически поссорились.

– Перестань так переживать. Ты у меня самая лучшая. Ты со всем справишься. Даже с моей матерью, – после этих слов юноша обвивает руками тело зрелое женское, нежный, после же жаркий поцелуй течёт им в горло. Рвотный рефлекс накатывает на Дженни цунами.

Она радуется. Они даже не заметили прихода её, как уже продолжается месяц. Дженни это только на руку. Тонкой рукой она наливает себе чёрный кофе, тихо садится в конце столешницы мраморной, глаза устремляя в его чёрное зеркало. Она бы и рада сбежать подальше от этой оргии, но мать может снова устроить скандал, ведь Дженни с недавних пор должна быть на виду со своей едой.

Бездонные глаза девушки, огромные, ещё более угольные от белой кожи, смотрят невинно на влюблённую парочку. Те уже кончили пожирать друг друга, снова вернулись к беседе, – уже о соседке, которая изменила мужу с начальником компании, – глаза матери на пухлом лице стрелой пронзили Дженни личико, но слов не вырвалось, равнодушно отвернулась она от дочери.

Кофе согревает тело, прилив сил и бодрости мягко разливается по скелету, как и тепло, цветы в животе становятся красивее. Тихими шагами Дженни к раковине подходит, чашку моет и поднимается вверх, но голос любовника материнского останавливает.

– С днём рождения, Дженни! – улыбка расцветчивает его

лицо яркими огнями. Дженни не оборачивается. Ей всё равно.

– Оставь это, – бесчувственно произносит мать, и Дженни почему-то поворачивает голову. Снова сосутся. Хочется блевать. От слов очень больно. Но маска не позволит дать слабину.

В комнате своей она подходит к шкафу. Океан тёмных оттенков ласкает взгляд. Руки нежные тянутся, свет во тьме мелькает, сегодняшние облачения найдены. День рождения не повод клоуном или шутком становится.

На расчёске остаются чёрные волосы. Вчера было больше. Дженни вздыхает маленькой грудью. Шёлковая лента обвиняет змеёю шею лебединую, острые ключицы остаются открытыми. Кисть руки без проблем заключает в кольцо предплечье. На лице расцветает азартная улыбка, но от слабости не сильна отнюдь. Впалый живот, белый-белый, целует пояс мерцающий, джинсы кожей второй ложатся на ноги. Помада винная красной кляксой падает на лицо.

Но ей не нравится. Ей совсем не нравится отражение в зеркале. Там *не она*.

Рюкзак кажется тяжёлым, хотя внутри всего лишь пенал и три тетради. Панель стеклянная телефона в руке такая мягкая.

На выходе зонт радужный, который так бесит её, ведь Дженни совсем ему противоположна. Лёгкий зашквар кедров изюминкой становится.

Холод и мокрота улицы проникают в лёгкие. Тёплая куртка совсем не согревает. До школы хотя бы недалеко. Дженни думает, куда же так быстро успела сестра сбежать, ведь не любила посещать занятия она.

Под радужным зонтом не совсем комфортно. Хочется больше темноты. Дженни яркие цвета раздражают, картинка раскрашенной свинки из зоопарка в детстве постоянно стоит перед глазами.

Дождь прекращается, когда она уже к школе подходит. Бредёт среди других учеников, внимания ни на ком не заостряя. Девушка не любит места общественные: в них слишком много раздражителей.

Шкафчик сестры снова весь в красных сердцах и неприятных словах. Хочется его отмыть, но сестра взбесится. Тёмный взгляд игнорирует его.

На лестнице кто-то пихает в бок, становится больно. Снова будет синяк. Брови хмурятся, но спина всё такая же прямая.

Режет уши звонок, в класс заходит она последней, словно как обычно, словно она – прогульщица, ей лень быть здесь. Двадцать пар глаз пожирают мотылька в черной вуали. Плечи расправляются, глаза смотрят лишь перед собой и на личное место. Слышен шёпот. Осуждение. Удивление. Есть и зависть. Томное восхищение.

Грациозно Дженни опускается на своё место. Она ощущает на себе *его* взгляд. Он обжигает.

Глаза учительницы снова замирают на персоне Дженни. Во взгляде осуждение с сочувствием смешиваются. Дженни игнорирует: привыкла она, что никому её увлечение не нравятся.

На уроке очень скучно. Параллельно сидит в телефоне. Приходят эсэмэски от *него*. Каждый раз одни и те же. Это заводит. Последний раз чуть не оказался последним для хрупкого мотылька.

В столовой находиться не хочется. При оплате всего лишь одной диетической колы со льдом слышен говор и прямо-таки яростный взгляд работниц кафетерия, дежурный учитель качает головой. Дженни предчувствует ещё один поход к психологу. Садится за одинокий столик у окна. Внимательно наблюдает за стадом. Телефон вибрирует. Глаза читают сообщение. Дженни сглатывает.

Едкий вкус колы стекает в горло. Холодно. Приятно. Она улыбается. Замечает сестру, что плывёт по кафетерию, не замечая её. Дженни иногда желает *таких* взглядов в свой адрес. Но нравятся ей и те, что она уже получает. Следом выходит молодой мужчина-учитель. Дженни всё давно поняла про сестру. Когда к ней подсаживается какая-то светловолосая девушка с разбитой губой, она покидает столик.

В холодном свете туалетных ламп и стекла плитки она смотрит на себя в зеркало. Собственное отражение пугает и заставляет гордиться одновременно. Чёрная одежда на этом белом плиточном фоне превращает Дженни в нить чёрную.

Заходят двое девушек, запах их духов малиновых ударяет в нос. Слышно, как кого-то рвёт, кто-то тяжело дышит, плачет.

Снова звонок. В классе балаган, никто не замечает тень летящую. На биологии все смотрят на неё, когда учитель рассказывает о пищевых нутриентах. Безразличие.

Уроки тянутся невыносимо долго. Хочется сбежать. Но есть маска. Сестры снова не видно поблизости. А ведь близнецы всегда должны быть рядом, как считала раньше мать, пока не превратилась в суку и перестала обращать внимания на дочерей своих.

После школы встречается с *ним*. На теле остаются синяки. Губы распухли. Она боится его и желает одновременно. Сегодня они встречаются. Ночью. Дженни не уверена, что выдержит *ещё*.

Дома снуёт в готовки пылу мать. Снова начинает кричать и приказывает перестать *так* жить. Слова пролетают мимо ушей. В дверях появляется свекровь и сын её, который в брата Дженни годится. Слушает его прекрасный голос, не смотря на него. Поднимается в свою комнату.

Через минут тридцать слышит крик снизу, спускается нехотя, маска снова надета.

Ядовитый запах вызывает тошноту. Хочется кофе. Или водки. Всей сущностью взгляды ощущает. Садится на отведённое место перед тарелкой с едой. Как всегда, здесь порция на десять человек. Мать что-то говорит свекрови тихо, чувствуется, что они вдруг вместе объединяются. Двое про-

тив одного. Нечестно.

Все молчат. Дженни берёт в руки нож и вилку, бусины горошка превращаются в половинки. Истекающее соком мясо теряет лишь небольшую часть. Наконец любовник матери что-то говорит, но она не слушает. Еда занимает всё внимание.

– Почему ты это делаешь? – эти слова Дженни слышит. Голос «бабушки» ей противен, раздражает, нужно ответить скорее, освободиться. – Зачем?

– Не спрашивай, Сара, – едко отвечает мать, – она не ответит.

– Но она же не немая, в конце концов, – парирует женщина, совсем ровесница матери, продолжая смотреть на Дженни. Девушка откладывает приборы, поднимает пустой взгляд. Молчание.

Исчезло лишь десять горошин и два куска стейка размером с цент. Дженни встаёт. Всё тело – сплошная натянутая струна. Всё так же хочется выпить. Хочется *его*.

– Чем скорее я умру, тем быстрее он заделает ей ребёнка, – гордо, слова чеканя, отвечает она, разворачивается и уходит. Уже скоро придёт *он*.

Мать вскакивает с места, её держит любовничек, крики, звон столового серебра. Тарелка задевает плечо Дженни, когда разбивается об угол. Ей всё равно, ей больно, она глотает слёзы, поднимаясь наверх. Маска совершенно здорового во всех смыслах человека сейчас совсем треснет. Она бежит к

спасительной двери во тьму.

Щелчок, тихий скрип, дверь закрывается. Адреналин сбил дыхание, в глазах темно, дрожит тело. Дженни смеётся. Что-то касается её, горячее, сильное. Рука. *Его* рука. Через секунду она уже прижата к стенке, его руки на шее стеклянной душат. *Он* знает прекрасно, что она не любит его, оттого же ещё сильнее заводится, занимает всё к комнате пространство.

Падает на кровать от удара. *Он* рвёт на ней кофточку, секундным рывком снимает джинсы. От силы рёбра хрустят, она чувствует, что он ломает ей руку. Сдавленно кричит, продолжая подчиняться.

Дженни смотрит в потолок. Серый цвет уже сплошная дыра тёмная. *Он* мучает её своей жестокой игрой, она смеётся, когда чувствует удар. Это дикий смех, ненормальный, все тела клетки замирают от него.

Становится очень тихо вдруг. Она знала, что не выдержит ещё одной ночи.

Глава 2. Кэт

– Ты видела её? Такая страшная! – певучий голос девушки эхом отражается от кафельных стен.

– Похожа на смерть. Такое ощущение, что вот-вот брякнется в обморок. Да ещё и во всём чёрном ходит, – отвечает ей грубоватый голос курильщицы. Кэт часто слышит подобные разговоры, женский туалет – просто клубок из острых лезвий.

– Интересно, её предкам вообще есть до неё дело? Если ещё кто-то помрёт в нашей школе, то без репортёров никак не обойтись, – Кэт знает это певучий, но надменный голос. Его обладательница никак не трогает её, пока что, но часто метает ножи словесные в выделяющихся ребят школы. И не только ребят.

– Но, посуди сама, ты вновь окажешься в свете их камер. Будет приятно! – в её голосе столько зависти, но она замаскирована, и Кэт уверена, что первая девушка не найдёт её в словах. Уж больно зацикленная она на своей пустопорожней персоне.

Слышно, как они начинают о чём-то шептаться, попутно красятся. Кэт перестаёт их слушать. Теперь ей надо ждать, пока они уйдут, чтобы не обзавестись проблемами и убрать следы своего деяния.

В горле горит, словно расплавленное железо влили туда

пару секунд назад. Чувствуется привкус крови и шоколада. В висках стучит. Кэт садится на стульчак унитаза, кистью вытирая рот. Тихо достаёт из кармана салфетку и зеркальце, смотрит на своё отражение в полутьме одинокой исписанной всевозможными фразочками, обидными и нет, похотливыми признаниями в любви, обзывательствами, просто девизами и цитатами из фильмов или книг, хотя вряд ли в этой школе кто-то последним занимается, кабинки.

Зелёные глаза покраснели, губы слегка опухли. Пятна слюны заметны на подбородке. Наконец Кэт слышит, как две сплетницы уходят, но здесь всё же не одна она. Она знает, *кто* плакал, пока она «очищалась», но никому никогда не станет говорить об этом.

Кэт решает завершить процесс, прекрасно понимая, что её слышно. Выходит из кабинки. У раковины набирает в ладони воды и умывает лицо водой ледяной. Поэтому она и не красится. В отражении смотрит на Кэт словно после кайфа девушка. Достаёт из кармана сумки глазные капли и освежает роговицу. Закидывает в рот мятную конфетку, чтобы боль в горле прошла и дыхание стало свежим.

С пустым желудком выходит она из «женской обители тампонов и прокладок», как написано на внутренней стороне дверцы, направляется в спортивный зал. Сегодня будут занятия по гимнастике, к которым так усиленно «готовилась» Кэт. Девушка надеется, что они пройдут хорошо.

В раздевалке девчонок десять, все переодеваются в фор-

му. Кэт видит одну из сплетниц, что в туалете была – та не может налюбоваться на свой тощий зад. Девушка фыркает.

По команде все ученицы строятся. Сексуальный тренер выходит со свистком на груди и журналом. Глаза девчонок вспыхивают. Кто-то пошло хихикает.

Во время переклички тренер задерживает глаза на Кэт. Что-то пишет в своих бумагах, вскинув брови и вздыхая. Ей кажется, что он заметил в ней перемену. Внутри всё ликует.

Наконец все разбредаются по своим снарядам. Кэт встаёт у любимого гимнастического бревна. В прошлый раз, что никак не омрачил её, упражнение вышло неудачным, вынудив заикнуться Кэт на нём. Прошла ровно неделя. Девушка ровно дышит, в предвкушении ожидая похвалы за свои труды.

Левый шаг, правый, прыжок, снова шаг вперёд. Удерживая равновесие, поднимает вытянутую левую ногу, загорелые руки мягко, но полные сил, уходят вверх. Кэт задерживает дыхание, разворачивается, выбрасывает руки вперёд, те превращаются в стрелу, секунда уходит на сосредоточение... Резкий кувырок вперёд и идеальное приземление на тонкую деревянную гладь бревна на самом краю. Тело вытягивается в струну. Руки спадают вдоль тела. Кэт дрожит.

– Можешь спускаться, – безэмоционально говорит тренер, вызывая некое недоумение Кэт, но оно не может перекрыть внутренней радости всей сущности её.

Учитель снова что-то пишет размашистым почерком, по-

сле чего опускает планшет вниз, устремляя глаза на сияющую Кэт.

– Что с тобой сегодня?

Вопрос на удар сердца выбивает её из эйфории.

– Что вы имеете в виду? Я допустила какую-то ошибку в упражнении? – смотрит Кэт в голубые глаза преподавателя, стараясь не замечать сексуального тела в облепившей его футболке. Едва заметно закусывает губу, когда тренер роняет взгляд вниз, осматривая девушку.

– Ты не больна, случаем? Посмотри на своё лицо. Что с ним? Что с глазами? У тебя кожа бледная и озноб, – указывает он на дрожь в теле Кэт. Она смущается, трёт рукой глаза. Внутри закипает злость. – Ты худеешь.

Если бы он только, нет, *все они*, знали важность последнего слова.

– Но я же смогла выполнить этот кувырок, не соскользнув, как в прошлый раз, – начинает она защищаться, краем глаза замечая, что на неё смотрят некоторые девчонки. От этого не по себе. Кэт не любит находиться в центре внимания. – Нет, я не больна.

– Отец знает, *что* ты делаешь в туалете? – вопрос камнем падает и ударяется о стекло в сознании Кэт. Перехватывает дыхание. Это было сказано негромко, но все вдруг затихли. Кэт знает, что кто-то из одноклассниц в курсе происходящего, это никак не волновало их, проблемы есть у всех и индивидуальные. Но она не думала, что попадётся в лапы учителя.

ля, особенно мистера Трэвиса. Резко образ его меняется в глазах девушки.

– Я... не понимаю, о чём вы, – нагло отнекивается Кэт, крича внутри, чувствуя, что пора уносить ноги в единственное место спасения, где нет ни печали, ни боли, ни слёз. – Со мной всё в *абсолютном* порядке. А сплетням я бы не верила. Они лживы.

Кэт осматривает девочек. Те снова, как ни в чём ни бывало, принимаются каждая за свои дела, всё равно продолжая исподтишка следить. Её глаза останавливаются на лице тренера. Он молча смотрит на неё, прекрасно понимая, что она лжёт. А вот станет ли он предпринимать какие-либо действия на её счёт было для Кэт тайной, втайне же она надеялась на лучшее, будучи больше оптимистом, чем пессимистом.

– Ладно, поговорим позже, – после минутного молчания выдаёт учитель, – а сейчас отправляйся в медпункт. Вид у тебя нездоровый.

Но Кэт его уже не слушает. В голове её крутятся совсем иные мысли. Да, она пойдёт, но не в медпункт. Есть место куда более важное и для посещения приятное, чем обшарпанная белая комнатка с запахом медикаментов. Если бы тренер не прицепился к ней, ничего бы не было, что будет уже скоро.

В раздевалке быстро снимает с себя форму, чуть не разрывая ткань. Злость и недовольство так и пылают внутри. Про себя она ругает учителя. Лишь он виноват во всём. И

Кэт уже знает, что делать с ним, чтобы её секрет не узнал отец и другие взрослые.

Горячий душ обжигает стройное тело Кэт, капельки стекают по загорелой коже. Она хватается себя за кожу на животе, оттягивает её, со всей силы сдавливая. Она любит и ненавидит себя за свой секрет.

Впереди ещё два урока, которые Кэт прогуливает. В душе она пораскинула мозгами и поняла, что лучше всё же посетить медпункт, чтобы подозрений исчезновение её не вызвало. Молодая медсестра выписывает ей пару рекомендаций: советует не волноваться, больше спать, гулять на свежем воздухе, правильно питаться, чтобы восстановить силы. Когда Кэт читает последнюю строчку, то усмехается в лицо внезапно вышедшему солнышку и радуге после дождя.

Девушка не торопится идти домой, ведь сперва нужно отправиться в любимое место. Дом был бастионом для Кэт, в котором можно было не бояться, что тебя заметят, ведь отец постоянно был в командировках, тем самым воспитав в ней самостоятельность, но и скрытность. А любимое место, свободное от печалей и забот – это...

– С вас 250 долларов, мисс, – вежливый и симпатичный кассир обращается к Кэт, заканчивая пробивать покупки. Серебристая карточка издаёт писк. Девушка берёт покупки в сумке и чек, комкает его и выбрасывает в мусорный бак у раздвижных дверей. Оборачивается, смотря на мужчину, прикидывает, сколько могло бы быть лет ему.

Она сказала, когда увидел тот гору еды на ленте, что у неё большая вечеринка, он улыбнулся ей в ответ, Кэт захотелось продолжить знакомство с этим красавчиком. Она видела его не впервой, но почему-то именно сегодня решила перестать смущаться, рванулась в бой. Он ответил ей. На мгновение настроение Кэт засияло, злоба ушла во тьму сознания, но в самом центре вот уже давно ярким красным светом горит лишь одна мысль, опасное увлечение, забавная игра. Но Кэт сделала себе мысленную пометку не оставлять просто так этого юношу.

Такси останавливается у дома. Внутри пусто, тихо. Кэт запирает дверь. В комнате переодевается в домашнюю одежду. Заплетает конский хвост из кудрявых ореховых волос. Встаёт перед зеркалом, смотрит на себя. Она понимает, что сейчас будет делать, но пытается себя отговорить, ведь эта встреча и милая беседа с симпатичным кассиром практически избавили её от порции злости, полученной в школе.

Раздаётся сигнал смс-сообщения. На экране Кэт видит переписку из группового чата. Обсуждают сегодняшний урок гимнастики, тренера Трэвиса и её. И не очень хорошо.

Одна короткая эсэмэска отправляется одному человеку, после чего телефон оказывается на полу. Волна ярости снова накатывает на девушку. Ногти впиваются в кулаки. Кэт медленно тяжёлым шагом и гудящей от раскалённых углей мыслей головой направляется в кухню, к столешнице, где стоят только что приобретённые яства и холодильник, что сереб-

ряным светом отражает солнечный луч, из окна падающий.

– Это *они* во всём виноваты, – злобно вслух говорит она, открывая банку с Нутеллой. – Только они, только они, только они!

Мягко закрывающаяся дверь холодильника громко хлопает.

Молоко стекает в горло, смешиваясь с ванильно-шоколадными пирожными из Старбакса. Чёрный гамбургер с беконом обнимает мороженое с Нутеллой. Тосты с джемом и арахисовым маслом, пачкая лицо и руки, нежно ласкают вкусовые рецепторы. Пищевой оргазм случается, когда таящие во рту рифлёные чипсы, обмакнутые в горячий шоколад и кокосовые хлопья, залитые пушистыми взбитыми сливками со вкусом клубники и йогурта, сексуально похрустывают на зубах. Кэт берёт в руки стакан с молочным коктейлем со вкусом мокко и желейными шариками, через трубочку затягивает в себя упомрачительно вкусную жидкость, раскусывает склизкие и упругие наполнители с соком кокоса...

В пустом доме тихо и темно. Заранее занавешенные окна создают дополнительный барьер. Лишь мерная тихая работа электроники создаёт ощущение неброшенного жилища.

Стук в дверь заставляет Кэт вздрогнуть. Наполненная, она соскакивает со столешницы, покидая чревоугодия ложе, на ходу краем толстовки вытирает лицо, отряхивает в крошках и пятнах ткань, смотрит в дверной глазок. Как она и думала, на пороге стоит никто иной, как тренер Трэвис.

– Я надеялся увидеть твоего отца, – озадаченно отвечает он, видя в дверях лицо Кэт. Она снова видит, как он осматривает её с ног до головы, задерживая взгляд на глазах.

– Его командировка закончится в конце следующей недели, – пошире дверь открывая, говорит она спокойно, совсем не глядя на мужчину. Понимает, что он хочет что-то сказать ей. – Но вы можете войти, потому что скоро придёт навестить меня моя тётя Анжела.

– Отлично.

Кэт оставляет незваного гостя в гостиной, вальяжной походкой идёт и закрывает дверь в кухню на ключ, затем, когда её уже не видно, несётся в свою комнату, быстро набирает сообщение лишь с одним единственным словом, бросает телефон на постель. Нажимает кнопку на проигрывателе у кровати, звуковая бомба взрывается в доме, а сама направляется к белому трону.

Ритуал занимает лишь две минуты, что почти рекорд – последний раз было «1:25» – после подобного раунда.

С чувством облегчения, парения и воздушности внутри Кэт умывает руки, выпивает стакан воды и смотрит на плоский живот из-под приподнятой толстовки. Ей так понравилась сегодняшняя игра. Было так приятно закидываться едой и сейчас смотреть на нулевые последствия.

В этом Кэт не видела ничего страшного. Прошёл уже ровно год, как она под села на эту «игру», и за это время она приобрела очень приятное для глаз её тело. Но всё же не иде-

альное. *Ещё нет.*

Быстро чистит зубы, полощет рот мятным ополаскивателем, распускает волосы, натягивает любезную улыбку. На телефон приходит эсэмэска, текст которой доставляет Кэт удовольствие, превращая улыбку в ехидную. Девушка пишет ответное сообщение, затем на пульте домоуправления нажимает кнопку открытия входной двери и последующей блокировки. Переключает музыкальную композицию на нежную и успокаивающую, запирает дверь своей комнаты, надевает наушники, выключает свет.

Кэт невиновата в том, что происходит. Виноваты лишь *они все*. Виноват тренер Трэвис. С ней всё в порядке. Её «игра» никому не вредит, в том числе и самой Кэт. Все слова – сплошные глупости, тупые и необоснованные, она не станет их слушать.

Сейчас она уже совсем не злится на учителя, ведь благодаря ему она сыграла такую вкусную, прекрасную партию и так спокойно замела следы. Но обида осталась, бумага была скомкана, затем вновь разглажена, но неровности никуда не исчезли.

Он за *всё* поплатится.

Глава 3. Эйли

Солнечный свет падает на бумагу, но даже его тепло не может согреть мрачные цвета картины.

Эйли сидит за мольбертом, держа в руке испачканные в краске чёрной руки, медленно, практически нехотя делает мазки по бумаге. В классе искусства она одна, в школе совсем нет людей, рисованием увлекающихся.

Окно открыто. Прохладный после дождя ветер пытается освежить класс и саму Эйли. Она достаёт из кармана полосатых брюк зажигалку и косяк дури, надеясь хотя бы на него. Искра, дым, она делает затяжку, откидывается на стуле, издалека смотря на своё творение.

Никто не понимает картин Эйли. Она сама не может их понять. Учителя критикуют чрезмерную вычурность и мрачность, ученикам не нравится отсутствие конкретных узнаваемых предметов, персонажей. Эйли любит сюрреализм: он помогает ей отвлечься от своей прозы жизни.

Почти полдень, и скоро должен прозвенеть звонок. Эйли расправляется с мягкодействующим косяком дури, вновь принимается за работу. Ей нравится сидеть здесь во время уроков, на которые, к примеру, биологии, математике, китайском, она не хочет приходить. Нет, она не прогульщица, её оценки и успеваемость являются одними из лучших. Влиятельная мать позаботилась о том, чтобы талант дочери не

прогорал, хотя Эйли всеми силами пыталась быть прожигателем жизни, и каким-то образом заткнула учителей, когда Эйли попала во время урока за холстом в кабинете искусства.

Банка с алой краской падает на пол, растекается кровавой кляксой, когда Эйли тянется промыть кисть в воде. Спокойно вздыхая, поднимать её не собираясь, она берёт канцелярский нож, что в любом кабинете, а здесь наверняка, есть, лезвие со щелчком выдвигается и рассекает на запястье тонкую кожу. На палитру собирается лужица винная, густая, словно та гуашь из опрокинутой банки, тёплая, Эйли обмакивает в неё кисть и делает большой мазок на бумаге поверх белого цвета. Глаза существа оживают, в них появляется озорной огонь, светящийся во мраке.

Кровь медленно вытекает из пореза. Эйли отрывает от лежащего рядом полотенца в краске лоскут и накладывает на запястье, туго перематывая. Рука немного синее, но девушка не замечает этого.

Звонок выгоняет Эйли из класса. Рисунок остался сохнуть, окно было закрыто. Алая краска так и продолжала лежать на полу.

Медленно бредя по коридору на первый этаж, она не замечает, как сталкивается с каким-то высоким и, словно одним сплошным чёрным пятном, парнем, он пихает её в плечо, двигаясь вперёд очень быстро, Эйли отлетает и ударяется губой об угол. Снова течёт кровь. Кто-то присвистывает и

охаёт. С непринуждённо усталым видом, слизывая топливо тела, она идёт своей дорогой вниз по ступеням.

В кафетерии на неё все пялятся, потому что кровь так и хлещет, пачкая синюю шифоновую блузку. Смотря прямо перед собой и двигаясь к линиям с выпечкой, она снимает с себя блузку, оставаясь в одном белом кружевном топе и чёрной кожаной куртке поверх. Кто-то улыбается ей в ответ, показывая одобрение, некоторые хлопают, но ничто не радует Эйли. Ей просто всё равно. *Совершенно* всё равно.

Губа ноет, но кровь перестаёт наконец идти. Стоящая перед ней в очереди девчонка с кудрявыми волосами заказывает просто гору еды. Награждая её оценивающим взглядом, Эйли думает, как она сможет всё это одна съесть.

Занимает столик у окна, за которым кто-то сидит. Эйли ставит поднос на гладкий стол и только тут, лениво поворачивая голову, замечает, что бледная девушка молча пьёт колу со льдом. Чёрные глаза внимательно изучают Эйли, самой же Эйли вообще плевать, её не интересует и не волнует, с кем сидеть, где сидеть, хоть с самим дьяволом или дурно пахнущим бездомным – всё равно. Незнакомка встаёт и уходит.

Эйли медленно, и от распухших губ, и просто от нежелания, пытается засунуть в себя еду. Это так тяжело. Смотря в одну точку за окном, она сидит так всю отведенную перемену на обед. Тут плечо её теребит дежурный учитель, веля отправляться на урок – Эйли совсем не слышала звонка – да поживее. Когда встаёт она и учитель видит, *кто* перед ним,

спесь с него моментально слетает, как с одуванчика семена, он молча отправляется в западное крыло.

Испачканная блузка болтается на согнутой руке, она медленно идёт на стадион. Сегодня совсем не до уроков. Солнце по-прежнему светит, но тепла особого нет. Куртка на голое тело холодит кожу.

На скамейку в самом верху почти садясь, Эйли достаёт учебник по экономике – ведь экзамен уже через неделю – и начинает читать. Порыв ветра всколыхивает тонкие страницы и девушки волосы светлые. Серые глаза её упорно смотрят в текст, некоторые предложения заторможено, словно в трансе, проговариваются вслух, но смысл так и не приходит в её светлую голову. Последний месяц – сплошная серая дыра, лужа, в которой она так и сидит.

Учебник откладывается в сторону. Тяжёлый вздох, полный усталости. Блекнувшая уже радуга на юге становится блеклой тенью. Скука. Зажигалка, сигарета – Эйли вновь сбегает из реальности. Это уже второй косяк за день. Но эффекта она не чувствует. Разве что спокойствие и ещё бóльшая отрешённость от реальности. Раньше дурь давала большую петарду сил и энергии, дарила веселье, тупой смех, а теперь же совсем ничего...

Слышны шаги. Нехотя поворачивая голову, видит она, как у перилл сел тот самый debil, сбивший её в коридоре у лестницы. На нём она тоже замечает кровь. Пару минут думает, откуда она могла взяться, после чего вновь начинает

смотреть перед собой на зелёное поле для футбола.

– Возьми мою водолазку, ведь это я виноват в этой испорченной блузке, – парень оказывается рядом с ней, грозно нависая. Когда же она не реагирует, он хватает её за плечо и пихает в руки одежду. Сигарета падает под ноги Эйли. – Бери же, дура!

– Очень странный для *тебя* поступок, – Эйли так и не смотрит на мрачного парня. Волосы, падая ей на лицо золотисто-белыми лентами, заслоняют скучную картинку перед собой.

– А для *тебя* очень странно косяки повсюду раскуривать, – бросает он слова на ветер и уходит, с шарканьем развернувшись на пятках. Девушка устремляет взгляд ему в спину.

Левое запястье начинается сильно чесаться. Сильно водя ногтями по коже, она не замечает, как рана, что только-только затягиваться начала, снова раскрыла свои ворота, давая крови алой, нет, сейчас уже потекла густая, тёмная, волю. Пропитанный кровью лоскут падает вниз.

Разражается небольшой дождь. На руках у Эйли по-прежнему лежит скомканная чёрная водолазка виновника губы её разбитой. Куртка падает на скамью. Медленно, намокая, одежда мужская оказывается на теле девушки. Солнце опять скрывается. Левая рука опущена на колено, кисть висит в воздухе. Серые глаза Эйли заворожённо смотрят на темнеющие нити, что тянутся в небольшие лужицы под ногами её,

красивыми разводами, как на картине собственной, плывут по прозрачному зеркалу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.